

Путь в третий рейх

1934, источник: [здесь](#). Перевод сделан участниками переводческого кооператива "Метаконкисты".

Коммунистическая партия и идея диктатуры

Если унижительное бессилие социал-демократии и профсоюзов, их вечная нерешительность и просто жалкая политика "меньшего из двух зол" по возможности облегчала условия игры для контрреволюции и прокладывала путь фашизму, то полная противоречий политика коммунистической партии, её свободоненавистническая авторитарная позиция и опасная игра с так называемой "диктатурой пролетариата" только приближала и духовно подготавливала победу контрреволюции в Германии. Здесь вообще нужно отдельно подчеркнуть, что победа большевизма над русской революцией была первым актом наступления фашистской реакции в Европе. И это потому что идея диктатуры сама по себе контрреволюционна и является худшим препятствием для любой творческой деятельности под знаменем свободы и социализма.

Любая истинная революция, которая открывает какому-либо народу и по совместительству всему человечеству новые перспективы его духовного и культурного развития, характеризуется скорее не тем, что она разрушает, а тем, что она создаёт и претворяет в жизнь. Только с помощью того создаваемого нового она преодолевает дух прежних порядков и отменяет общественную организацию минувших дней. Создавая новое, она разрушает старое и проторивает путь для светлого будущего. Именно поэтому она так зависит от реализации всего творческого потенциала, когда хочет приблизиться к намеченной цели. Но диктатура, которая постоянно стремится привести всё к определённому стандарту и отрицает любые пути кроме тех, что по той или иной причине кажутся её приверженцам правильными, уничтожает творческое начало революционного духа и загоняет людей и события под ярмо политического провидения, которое думает и действует за всех остальных, и тем самым душил в зародыше все новые идеи и перспективы общественного развития. Поэтому диктатура никогда и не бывает двигателем революции, а становится вестником зарождающейся контрреволюции.

В Кромвеле воплощён не дух английской революции, а жестокое насилие контрреволюции, которая выродилась в ещё один деспотизм и закрыла путь любому свободному развитию. Диктатура Робеспьера и якобинцев была не символом больших перемен, которые избавили Францию от проклятья феодализма и абсолютной монархии, а могильщиком революции, что открыло дорогу военной диктатуре Наполеона. Сегодня это большевизм, который похоронил русскую революцию и подготовил благодатную почву для идейного формирования и распространения фашизма.

Социализм сможет только тогда утвердить своё значение для будущего, когда все его усилия будут направлены на то, чтобы помимо монополии собственника упразднить и все формы господства человека над человеком. Не использование, а исключение властного начала из жизни общества должно оставаться той великой целью, которую он преследует, которую он никогда не должен предавать, если не хочет предать самого себя. И кто полагает, что сможет заменить людям свободу равенством их положения, тот никогда не понимал истинной сути социализма. Никакой замены свободе нет и не может быть. Равенство экономических условий для всех и каждого – это только одна из необходимых предпосылок для свободы, но не замена. И кто посягнёт на свободу, тот посягнёт и на сам дух социализма. Социализм – это солидарность взаимодействия на основе общих целей и одинаковых для всех прав. Но эта солидарность основана на свободе воли и не может быть навязана, если она не собирается обратиться в диктатуру и выступить против самой себя.

Любая социалистическая деятельность должна что в общих, что в частных моментах исходить из предпосылки, что во всех сферах, особенно в экономике, необходимо противостоять монополии, а также расширять и защищать личную свободу в рамках общественного строя при помощи всех доступных средств. Любая практическая деятельность, которая приводит к другим результатам, будет неверной и противоречащей социализму. После всего этого нужно взвесить все разговоры о “диктатуре пролетариата”, которая якобы является переходной стадией от капитализма к социализму. Таких “переходов” история вообще не знает. Среди различных этапов развития общества можно выделить только примитивные и высшие формы. Разумеется, каждый новый общественный строй в своих первых проявлениях несовершенен. Тем не менее, в нём должны быть заложены все возможности для развития и формирования всех новообразованных институтов, как в эмбрионе уже заложено человеческое существо. Каждая попытка внедрения элементов старого, изжившего себя уклада в новый порядок вещей – а это и есть стремление каждой порядочной диктатуры – приводила к одинаковому результату: либо такие попытки реорганизации жизненного уклада сразу пресекались на корню, либо слабые ростки надежды на новое так сильно искривлялись и калечились застывшими формами прошлого, что не могли развиваться естественным образом, постепенно усыхали и теряли всякую жизненную силу. Если Муссолини утверждал, что “в Европе есть только две страны, где государство что-то значит: это Россия и Италия, потому что дух свободы там был задан», а Ленин договорился до того, что “свобода – это лишь буржуазный предрассудок”, то это неминуемые выводы двух видов мышления, чьё родство оспаривать нет смысла. Циничное высказывание Ленина показывает только то, что дух его никоим образом не жаждал подъёма социализма и безнадежно увяз в старом наборе представлений политического якобинства. И вообще, пытаться найти различия между авторитарным и свободным социализмом – просто нонсенс: либо социализм будет свободным, либо его не будет.

Коммунистическая партия Германии, вторая по значимости коммунистическая партия в Европе после российской, жила только ошибками социал-демократов и за всё время своего существования не развила ни одной созидательной идеи. Она всегда оставалась лишь безвольным инструментом внешней политики России и безоговорочно повиновалась любой указке Москвы. В таких условиях у той части социалистического пролетариата Германии, которая потеряла веру в жалкую тактику социал-демократов, появилась вера в

неизбежность диктатуры. Далеко не самые плохие люди попадали в руки коммунистам. Особенно молодёжь, которая по природе своей воодушевляется красивыми словами и революционными лозунгами, потому что она понимает под ними нечто иное и готова на подвиги и самопожертвование, хоть ей и не хватало зрелости для глубокого понимания положения вещей. Но именно эту важную социальную группу функционеры КПГ и их советчики из Москвы эксплуатировали самым гнусным образом и подбивали на действия, которые только лили воду на мельницу наступающей контрреволюции.

Главным образом, молодёжь загонялась в абсолютный фанатизм, который сделал её слепой и глухой к любому разумному осмыслению происходящего. Такая психологическая установка создаёт наилучшую почву для развития авторитарных диктаторских амбиций и с самого начала упрекает любой протест против реакционных действий в неискренности и лицемерии. Нельзя искренне выступать в защиту свободы, не осуждая диктатуру – отрицание любой свободы, иными словами. Нельзя осуждать притеснения свободы печати, собраний и мнений со стороны врагов, при этом оправдывая и считая необходимым такие же действия в России.

Нельзя осуждать преследование и аресты рабочих революционеров в странах Восточной и Центральной Европы, пока тюрьмы России переполнены социалистами и революционерами другого толка, чьё единственное преступление состоит в том, что они разделяют иные идеи, чем те, которые были официально утверждены диктаторским режимом. Но если через это преступить, то это придётся на руку противнику, который будет постоянно ссылаться на условия жизни в “красной родине пролетариата”.

Дело в том, что Муссолини и Гитлер многое переняли у России: безжалостное истребление любого инакомыслия в стране, затыкание любого независимого мнения при полном параличе культурной жизни, превращение профсоюзов в органы правления и в особенности неограниченную власть государства в вопросах общественной и личной жизни – всё это явления, пример которых показала победа большевизма. Никто и не говорит, что это были цели, а не средства, которые отличают фашистскую диктатуру от большевистской. Каждая цель воплощена в средствах. Деспотизм методов часто происходит от деспотизма идей. Только тот, кому сама суть свободы чужда, считает её “буржуазным предрассудком”. То, что у носителей идей большевизма была другая цель, чем и у фашистов, бесспорно. Только они были пленниками собственных методов, руководствуясь которыми, они всегда вынуждены были отходить всё дальше от преследуемых целей. Они сами попали в шестерни машины, с помощью которой собирались спасти мир. Что им изначально казалось необходимым средством, постепенно стало самоцелью. Это неизбежное последствие диктатуры. Кто искренне сделает логический вывод из российского эксперимента, тот не может не прийти к иному мнению. Нельзя воспитывать человека в духе свободы и социализма, подвергая его давлению безграничного деспотизма, который убивает в них творческие силы, ломает волю и медленно обескровливает их внутренние стремления бесчувственными органами всемогущего госаппарата.

Русская революция завершилась неудачей не по причине экономических отношений, а потому что диктатура большевиков высосала из неё все силы, сломала дух и отдала на волю деспотизму. Тот факт, что уже на предыдущих выборах в Германии часть электората

коммунистов перешла в лагерь националистов, целое множество бывших коммунистов вступили в личную армию Гитлера, а многие местные ячейки КПГ перешли на сторону фашистов, говорит о том, что здесь прослеживаются закономерности, на которые невозможно не обратить внимание, если попытаться понять всё трагическое значение причин, которые ведут Германию в лапы коричневого террора.

Чтобы перехватить инициативу у фашистов, функционеры коммунистической партии пытались превзойти их в своих патриотических излияниях, и пока нацисты распевали свои тупые песни про победу над Францией, в коммунистической прессе писалось про грядущий “марш красной армии на Рейн”. Радек обожествлял националистического террориста, которому Гитлер собирается поставить памятник, а пресса КПГ стала распространителем этого и других подобных шедевров. Даже к антисемитизму фашистов она относилась компромиссно, а Рут Фишер, – знаменитая предводительница коммунистов Германии и еврейка по происхождению – кричала на студенческом митинге такие слова: “Повесим еврейских капиталистов на фонарях!” Несложно представить, какое смятение могла вызвать такая агитация в головах незрелых молодых людей.

Разумеется, эти компромиссы делались в надежде перетянуть сторонников Гитлера в ряды коммунистов. Но именно в этом и состоит огромная опасность, когда люди пытаются убедить себя в том, что если пойти на компромисс, то такие действия могут послужить совершенно другим целям. Всё, что из этого следует, – это только предательство собственных идей и опасное ослабление всех здоровых сил, которые могли бы противостоять напору националистической реакции. Есть такие противоречия, которые невозможно преодолеть. Точно так же и идеи следуют своим законам и притягиваются только родственным течениям. Крестьянская уловка руководства КПГ переманить фашистов патриотическими компромиссами привела только к тому, что их влияние только возросло, а численность их сторонников стала расти за счёт коммунистов.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 23 июля 2025 05:31:03

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 23 июля 2025 05:32:14